

Пауло Козалбо

ΑΛΕΦ

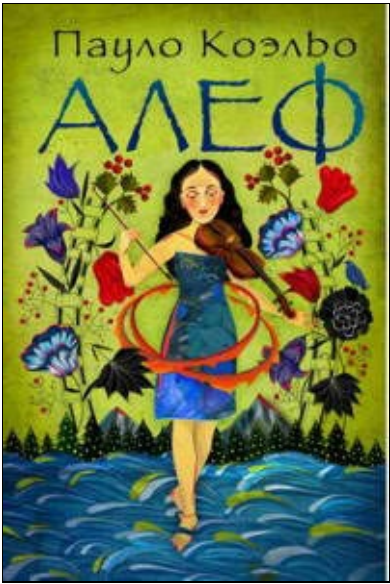
Annotation

В своем самом автобиографичном романе Пауло Коэльо рассказал о путешествии к самому себе. Как и в знаменитом «Алхимике», герой романа переживает очередной кризис веры. Герой стремится обновить свою жизненную энергию и оживить чувства, но оказывается не готов к встрече девушкой, которую некогда предал из трусости, и это предательство наложило тяжкую печать на все его последующие жизни. Вместе они предпримут мистическое путешествие сквозь время и пространство, следуя путем любви, прощения и отваги, которая необходима, чтобы принимать неизбежные вызовы жизни.

Annotation

В своем самом автобиографичном романе Пауло Коэльо рассказал о путешествии к самому себе. Как и в знаменитом «Алхимике», герой романа переживает очередной кризис веры.

Герой стремится обновить свою жизненную энергию и оживить чувства, но оказывается не готов к встрече девушкой, которую некогда предал из трусости, и это предательство наложило тяжкую печать на все его последующие жизни. Вместе они предпримут мистическое путешествие сквозь время и пространство, следуя путем любви, прощения и отваги, которая необходима, чтобы принимать неизбежные вызовы жизни.

Пауло Коэльо

"Алеф"

О Мария, зачатая без греха, моли Бога о нас.

Аминь.

Некоторый человек высокого рода отправлялся в дальнюю страну, чтобы получить себе царство

и возвратиться.

Лука 19:12

Ж., заставляющему идти вперед,

Святому Иакову, дающему мне защиту,

Хиляль, сказавшей слова прощения

в новосибирской церкви.

В диаметре Алеф имел два-три сантиметра, но было

в нем все пространство вселенной в натуральную

величину. И каждый предмет (к примеру, зеркало)

содержал бесконечное множество предметов,

которые я ясно видел со всех точек мира.

Хорхе Луис Борхес.Алеф ^[1]

Ты знаешь все, а я – слепец,

Но верю: жил я все ж не зря,

И знаю: в вечности, Судья,

Нам повстречаться наконец!

Оскар Уайльд. Истинное знание ^[2]

ЦАРЬ СВОЕГО ЦАРСТВА

Онет, только не ритуалы!

Неужели снова придется призывать невидимые силы явить себя в видимом мире? Как это связано с реальностью, в которой мы живем? Молодежь после университета не может найти работу. Старики, получающие пенсию, едва сводят концы с концами. Остальным некогда мечтать: они с утра до вечера работают, чтобы прокормить семью и дать детям образование, – пытаясь противостоять тому, что принято называть суровой действительностью.

Мир никогда еще не был так разобщен: всюду религиозные войны, геноцид, пренебрежение к окружающей среде, экономический кризис, нищета, отчаяние. И каждый ждет, что проблемы человечества и его собственные разрешатся сами собой. Но по мере того, как мы продвигаемся вперед, проблемы лишь усугубляются.

Так имеет ли смысл возвращаться к духовным установлениям давнего прошлого, столь далеким от вызовов сегодняшнего дня?

* * *

Вместе с Ж., которого я называю моим Учителем, хотя в последнее время все чаще сомневаюсь, так ли это, мы направляемся к священному дубу, который вот уже четыреста лет равнодушно взирает на людские горести; его единственная забота – сбрасывать листву к зиме и снова зеленеть весной.

Писать об отношениях с Ж., моим наставником в Традиции, непросто. Не одну дюжину блокнотов заполнил я записями наших бесед. Со времени нашей первой встречи в Амстердаме в 1982 году я уже раз сто обретал понимание, как следует жить, и столько же раз его терял. Когда узнаю от Ж. что-то новое, мне всякий раз кажется, что остался один шаг до вершины, одна буква до конца книги, одна нота, чтобы зазвучала симфония. Однако воодушевление постепенно проходит. Что-то остается в памяти, но большинство упражнений, практик и новых знаний словно проваливается в черную дыру. Или мне так только кажется.

* * *

Земля мокрая, и кроссовки, тщательно вымытые накануне, как бы аккуратно я ни шел, снова будут заляпаны грязью. Поиски мудрости, душевного покоя и осознания реалий видимого и невидимого миров давно стали рутиной, а результата все нет. Я начал постигать тайны магии в двадцать два года; с тех пор мне довелось пройти немало дорог, пролежавших вдоль края пропасти, мне довелось падать и подниматься, отчаиваться и снова устремляться вперед. Я полагал, что к пятидесяти девяти годам смогу приблизиться к раю и абсолютному покою, которые мнились мне в улыбке буддистских монахов.

Но на самом деле я как никогда далек от вожаемой цели. Покоя я не познал; душу мою

время от времени терзают внутренние противоречия, и эти терзания могут длиться месяцами. Порой мне и вправду открывается магическая реальность, но не долее, чем на мгновение. Этого вполне достаточно, чтобы убедиться, что другой мир существует – и чтобы преисполниться печали оттого, что я не могу вобрать в себя это обретенное знание.

Но вот мы пришли.

После ритуала нам предстоит серьезный разговор, а сейчас мы оба стоим, приложив ладони к стволу этого священного дуба.

* * *

Ж. произносит суфийскую молитву: «Господи, в зверином рыке, шелесте листвы, ропоте ручья, пении птиц, свисте ветра и раскатах грома вижу я свидетельство Твоей вездесущности; я ощущаю Твои всемогущество и всеведение, Твои высшее знание и высший суд.

Господи, я узнаю Тебя во всех испытаниях, которые Ты посылаешь. Да будет то, что хорошо для Тебя, хорошо и для меня. Дозволь мне радовать Тебя, как сын радуется отцу. Да будут мысли мои о Тебе покойны и неизменны даже тогда, когда мне трудно сказать, люблю ли я Тебя».

Обычно в этот момент я успеваю ощутить – всего на долю секунды, но этого достаточно – то Всемогущество, которым движутся Солнце, и Земля, и звезды. Однако сегодня у меня нет настроения общаться со Вселенной; гораздо сильнее моя потребность получить ответы на свои вопросы от человека, что стоит рядом со мной.

* * *

Он отнимает руки от ствола дуба, я следую его примеру. Он улыбается, и я улыбаюсь в ответ. В молчании мы неспешно возвращаемся в дом и все так же молча пьем на веранде кофе.

Я смотрю на огромное дерево посреди моего сада, с лентой вокруг ствола, которую я повязал после одного сна. Действие происходит в деревушке Сен-Мартен во французских Пиренеях, в доме, о покупке которого я успел пожалеть. Этот дом меня поработил, он требует постоянного моего присутствия: нуждается в ком-то, кто присматривал бы за ним, подпитывал своей энергией.

– Дальше двигаться бесполезно, – как всегда первым не выдерживаю я и прерываю молчание. – Боюсь, я достиг своего предела.

– Забавно. Я всю жизнь пытаюсь достичь своего предела, но все еще не преуспел. Моя вселенная непрерывно расширяется, и я даже приблизительно не представляю ее пределов, – усмехается Ж.

Он может себе позволить быть ироничным, но мне нужен сейчас совсем другой ответ.

– Зачем вы приехали? Чтобы в который раз попытаться убедить меня, что я заблуждаюсь? Говорите что хотите, словами ничего не поправить. Мне не по себе.

– Поэтому я и приехал. Я давно вижу, что с вами творится, но только теперь наступил подходящий момент, чтобы действовать. – Говоря это, Ж. вертит в руках взятую со стола грушу. – Прежде вы не были к тому готовы, а если бы наш разговор состоялся позже, плод уже начал бы гнить. – Ж. с наслаждением откусывает от спелой груши. – Чудесно! В самый раз.

– Меня изводят сомнения. Моя вера не крепка, – продолжаю я.

– Это хорошо. Сомнения побуждают нас двигаться вперед.

Ж., как всегда, говорит образно и убедительно, но сегодня его ответы меня не воодушевляют.

– Могу сказать, что вы чувствуете, – произносит Ж. – Вам кажется, что новые знания в вас не укоренились, а ваша способность проникать в незримый мир не оставляет следа в душе. И порой все это представляется вам не более чем фантазией, с помощью которой люди пытаются побороть страх смерти.

Но мои сомнения куда глубже: они касаются веры. По-настоящему я убежден лишь в одном: духовный мир существует, и он оказывает влияние на мир, в котором мы живем. Все остальное – священные тексты, молитвы, практики, ритуалы – кажется мне бессмыслицей, неспособной ни на что повлиять.

– А теперь я расскажу вам, что сам когда-то чувствовал, – говорит Ж. – В юности у меня кружилась голова от открывавшихся возможностей, и я был полон решимости воспользоваться каждой из них. Но когда я женился, мне пришлось выбрать единственный путь, чтобы обеспечить достойную жизнь любимой женщине и нашим детям. В сорок пять, когда я достиг всего, чего хотел, а дети выросли и выпорхнули из гнезда, мне стало казаться, что ничего нового в моей жизни уже не будет. Именно тогда начались мои духовные поиски. Будучи человеком ответственным, я взялся за дело со всей серьезностью. Я пережил периоды воодушевления и безверия, пока не достиг той стадии, в какой находитесь теперь вы.

– Послушайте, Ж., несмотря на все мои усилия, я не могу сказать, что стал ближе к Богу и к самому себе, – отвечаю я, и мои слова исполнены горечи.

– Это потому, что, как все на свете, вы полагали, что со временем непременно приблизитесь к Богу. Но время плохой наставник. Благодаря ему мы ощущаем лишь, как, старея, сильнее устаем.

Мне вдруг начинает казаться, будто на меня смотрит мой дуб. Ему больше четырехсот лет, а единственное, чему он за это время научился, – это оставаться на одном месте.

– Зачем нам понадобился этот ритуал вокруг дуба? Неужели он сделает нас лучше, чем мы были?

– Именно затем, что люди больше не совершают таких ритуалов, а еще затем, что, совершая кажущиеся абсурдными действия, вы получаете возможность глубже заглянуть в собственную

душу, в самые древние недра естества, которые ближе всего к истоку всех вещей.

Это правда. Ответ на этот вопрос давно известен. Не стоило тратить на него наше время.

– Мне пора, – твердо говорит Ж.

Я смотрю на часы и объясняю, что аэропорт совсем близко, и мы можем еще немного поговорить.

– Дело не в этом. Пока я проводил ритуал, мне открылось нечто, произошедшее до моего рождения. Я хочу, чтобы и вы испытали что-то подобное.

О чем он, о переселении душ? До сего дня он не позволял мне даже в мыслях обращаться к моим прежним жизням.

– Я уже бывал в прошлом. Я сам этому научился, еще до встречи с вами. Мы ведь об этом говорили; я видел два своих предыдущих воплощения: французский писатель девятнадцатого века и...

– Да, я помню.

– Тогда я совершил ошибку, которой сейчас уже не исправить. И вы запретили мне возвращаться в прошлое, чтобы во мне не усиливалось чувство вины.

Путешествовать по прежним жизням все равно что проделать в полу отверстие, через которое в дом ворвется пламя, готовое опалить и испепелить настоящее.

Ж. бросает недоеденную грушу птицам и в раздражении оборачивается ко мне:

– Не говорите глупостей! Так я и поверил, что за двадцать четыре года нашего общения вы совсем ничему не научились.

Я понимаю, что он имеет в виду. В магии – и в жизни – существует лишь настоящее время, то есть СЕЙЧАС. Время нельзя измерить, как мы измеряем расстояние между двумя точками. «Время» никуда не уходит. Но сосредоточиться на проживаемом моменте – задача для человека почти непосильная. Мы постоянно думаем о содеянном и о том, что могли сделать это лучше, о последствиях наших действий и о том, почему не поступили тогда как должно. Или же мысленно устремляемся в будущее, пытаемся представить себе, что ждет нас завтра, как предотвратить опасности, которые встретятся за поворотом, как справиться с ними и добиться того, о чем всегда мечтали.

Ж. возобновляет разговор:

– Именно здесь и сейчас вы спрашиваете себя: неужели что-то идет не так? И неспроста. Но именно сейчас вы также осознаете, что будущее можно изменить, воскресив прошлое в настоящем. Былое и грядущее существуют лишь в нашем сознании. Настоящее же вне времени: это сама Вечность. В Индии за неимением лучшего используют термин «карма», однако редко

кому удастся дать ему соответствующее объяснение. Но речь идет не о том, что содеянное в прошлом оказывает влияние на настоящее. То, что мы делаем теперь, искупает прошлые вины и тем самым меняет наше будущее.

– То есть...

Мой собеседник умолкает, недовольный тем, что я никак не могу уловить, что он имеет в виду.

– Что толку сидеть здесь и играть словами, которые ничего не значат. Идите и набирайтесь опыта. Вам пора покинуть эти места. Идите и вновь завоюйте свое царство, разъдаемое рутиной. Довольно затверживать одни и те же уроки, ничего нового вы из них не почерпнете.

– Но дело ведь не в рутине. Просто я несчастлив.

– Именно это я имел в виду, когда говорил о рутине. Вы понимаете, что существуете, оттого что несчастны. Существование многих людей – производное от проблем, которые они решают. Все свое время они проводят за бесконечными разговорами о детях, мужьях, школе, работе, друзьях. Им некогда остановиться и подумать: я здесь. Я – итог всего, что было и будет, и сейчас я здесь. Если что-то сделал не так, я могу это исправить или хотя бы покаяться. Если поступил правильно, – это делает меня счастливее и даст мне ощущение полноты моего сегодня.

Глубоко вздохнув, Ж. подводит итог:

– Вас уже нет здесь. Вы отправляетесь в путь, чтобы вернуть себе настоящее.

* * *

Этого я и боялся. Он уже не раз намекал, что для меня настало время пройти третий священный путь. С далекого восемьдесят шестого, когда во время паломничества в Сантьяго-де-Компостела мне довелось лицом к лицу столкнуться со Своей Судьбой, или путем Бога, моя жизнь совершенно переменилась. Спустя три года я прошел так называемым Римским путем в местах, где мы теперь находились; это были тяжкие и томительные семьдесят дней, когда я должен был делать наутро все те нелепости, какие накануне видел во сне (помню, как-то раз я провел четыре часа на автобусной остановке, и за это время не произошло абсолютно ничего примечательного).

С тех пор я послушно выполнял все, что от меня требовалось. В конце концов, это были мой собственный выбор и божественное установление. Я как одержимый беспрестанно переезжал с места на место и самые важные уроки усвоил именно в этих странствиях.

Вообще-то тяга к путешествиям была у меня давно, еще с юности. Правда, в конце концов жизнь в аэропортах и гостиницах отбила у меня охоту к приключениям, уступившую место смертельной скуке. Когда я сетовал, что мне не удастся хоть немного спокойно пожить на одном месте, меня не понимали: «Но ведь путешествовать так здорово! Если бы у нас были деньги, мы жили бы точно так же!»

Однако в путешествиях главное – не деньги, но храбрость. Почти всю мою юность я провел, шатаюсь по свету как заправский хиппи, но разве у меня были на это деньги? Вовсе нет. Я питался бог знает чем, спал на вокзалах, не зная языков, не мог спросить дорогу, зависел от других и не имел представления о том, где проведу следующую ночь, а теперь вспоминаю то время как лучшие годы моей жизни.

Неделю за неделей проводя в дороге, вслушиваясь в незнакомый язык, расплачиваясь купюрами неизвестного тебе достоинства, шагая по улицам чужих городов, ты обнаруживаешь, что твое привычное «я» не имеет никакого применения перед лицом этих новых вызовов, и начинаешь понимать, что в глубинах подсознания существует другой, намного более интересный человек, отчаянный и более открытый миру и новому опыту.

Но наконец наступает день, когда ты говоришь: «Довольно!»

– Довольно! Путешествия для меня давно стали рутиной!

– Нет! Такого просто не может быть, – настаивает Ж. – Вся наша жизнь – путешествие, от рождения к смерти. Меняется пейзаж за окном, меняются люди, меняются потребности, а поезд все идет вперед. Жизнь – это поезд, не вокзал. А то, что вы делали до сих пор, не путешествия, но перемена мест, и это не одно и то же.

Я качаю головой.

– Это ничего не меняет. Если мне нужно исправить ошибку, которую совершил в прошлой жизни и в которой глубоко раскаиваюсь, я могу это сделать прямо здесь и сейчас. В этой тюремной камере я лишь подчинялся приказам того, кого считал проводником Божьей воли: вашим. И потом, я уже попросил прощения по крайней мере у четверых.

– Но так и не нашли источник лежащего на вас проклятия.

– Вас ведь тоже прокляли. Вы-то нашли свой источник?

– Да, нашел. Поверьте, мое проклятие было куда страшнее вашего. Вы лишь однажды трусили, а я множество раз поступал не по совести. И теперь, благодаря этому открытию, я свободен.

– Но ведь речь идет о путешествии во времени, зачем же мне еще и перемещаться в пространстве?

Ж. смеется:

– Затем, что каждый из нас может надеяться на оставление грехов, но для того чтобы его получить, надо сначала разыскать тех, кому мы причинили зло, и попросить прощения у них.

– И куда же мне податься? В Иерусалим?

– Не обязательно. Выбор за вами. Отыщите дело, которое вы не завершили, и выполните

свою задачу. Господь укажет вам путь, ведь все, что пришлось пережить, и все, что еще суждено, происходит здесь и сейчас. Мир создается и рушится у нас на глазах. Те, кого вы когда-то знали, явятся вновь, а те, кого потеряли, вернутся. Вы должны оправдать оказанную вам милость. Постарайтесь понять, что происходит в вашей душе, и вы узнаете, как это бывает со всеми. «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч».

Ежась под холодными струями дождя, я думаю, что так и грипп подхватить недолго. Впрочем, доктора утверждают, что грипп вызывает вирус, не простуда.

Пребывать постоянно здесь и сейчас я не могу; голова идет кругом. На что же мне нацелиться? Куда идти? А что если я не признаю тех, кого встречу? Такое наверняка случилось и может случиться снова; в противном случае моя душа уже обрела бы покой.

За пятьдесят девять лет жизни с самим собой я могу в точности предсказать по крайней мере некоторые из моих реакций. Когда впервые встретил Ж., его слова представлялись мне наполненными светом более ярким, чем тот, что исходил от него самого. Я принимал все, не задавая вопросов, бесстрашно шел вперед и никогда о том не пожалел. Но проходило время, мы узнали друг друга, а вместе с узнаванием пришла привычка. Он ни разу не позволил мне упасть духом, но теперь я смотрю на него другими глазами. И даже хотя, из чувства долга, подчиняюсь его приказам, что делал гораздо охотнее в сентябре 1992-го, через десять лет после того, как его встретил, – я уже не столь убежден, как прежде.

Но я не должен так говорить. Ведь это был мой собственный выбор – следовать Традиции; стоит ли теперь подвергать его сомнению. Я волен отказаться от него, если захочу, но что-то влечет меня вперед. Возможно, Ж. прав, но я привык к жизни, которую веду, и больше не нуждаюсь в вызовах. Мне нужен покой.

Наверное, мне следует считать себя счастливым человеком: я преуспел, выбрав одну из самых трудных профессий; я двадцать семь лет женат на женщине, которую люблю; у меня отменное здоровье; меня окружают люди, которым я доверяю; на улице мне не дают прохода восторженные читатели. Прежде этого вполне хватало, но в последние два года ничто не приносит мне удовлетворение.

Что со мной, преходящее угнетение духа? Неужели мне не помогут обычные молитвы, восприятие природы как творения Господня и созерцание ее красоты? Зачем мне идти вперед, если я убежден, что достиг своих пределов?

Почему я не могу быть таким, как мои друзья?

Дождь все усиливается, и шум воды заглушает прочие звуки. Я промок до нитки, но никак не могу двинуться с места. Я не хочу уезжать, потому что понятия не имею, куда направляться. Ж. прав: я себя потерял. Если бы я на самом деле достиг своих пределов, чувство вины и оставленности не мучили бы меня, но они никуда не делись. Страх и трепет. Господь посылает человеку тревогу в знак того, что ему пора изменить свою жизнь и двигаться вперед.

Со мной такое уже бывало. Когда я отказывался следовать своим путем, на меня тотчас сваливалось какое-нибудь несчастье. Именно этого я больше всего боюсь: трагедии. Трагедия

знаменует коренные перемены в нашей жизни, перемены, обязательно связанные с утратой. Перед лицом трагедии нет смысла цепляться за старое: правильное всего, воспользовавшись тем, что перед нами образовалось пустое пространство, попытаться заполнить его чем-то новым. В теории каждая потеря нам во благо; правда, на деле, теряя, мы часто ставим под сомнение само бытие Бога и задаемся вопросом: «За что мне все это?»

Господи, упаси меня от потерь, и я последую воле Твоей.

Едва я успеваю об этом подумать, как раздается оглушительный удар грома, и небо над моей головой пронзает молния.

Снова страх и трепет. Это знак. Я пытаюсь убедить себя, что всегда проявляю свои лучшие качества, а природа утверждает противное: тот, кто по-настоящему любит жизнь, никогда не останавливается. На небе и земле бушует гроза, и когда она пройдет, воздух станет чище, а поля плодотворнее, но до той поры сколько же домов лишится крыш, сколько столетних деревьев окажутся поваленными и сколько прекрасных долин – затопленными!

Ко мне приближается желтая тень.

Я отдаю себя во власть дождя. Молнии все еще сверкают, но чувство беспомощности сменяет совсем другое чувство, словно душу мою омыло водами прощения.

Благослови и будешь благословен.

Слова рождаются в самой глубине души: мудрость, о которой я не подозревал, которая, я знаю, мне не принадлежит, но которая порой проявляется во мне и заглушает мои сомнения относительно всего, чему я за эти годы научился.

Вот в чем моя беда: хоть у меня и бывают такие моменты, я все же не перестаю сомневаться.

Желтая фигура уже передо мной. Это моя жена в ярком дождевике, какие мы носим здесь, в горах. Если заблудимся, нас будет легче найти.

– Мы хотели где-нибудь поужинать, ты не забыл?

Нет, не забыл. Пора оставить горный мир, в котором раскаты грома – словно глас Бога, и возвратиться в маленький провинциальный город, к хорошему вину, жареной ягнятине и доброй беседе с друзьями, которые собираются поведать нам о своих приключениях на «Харлей Дэвидсоне». По дороге домой, чтобы переодеться, я вкратце пересказываю свой разговор с Ж.

– Он уточнил, куда тебе следует ехать? – спрашивает жена.

– Он велел мне брать на себя обязательства.

– Но что в том сложного? Не ищи впереди одни препятствия. Ты становишься похож на старика.

Эрве и Вероника не одни, с ними двое французов средних лет. Одного из них нам представили как ясновидящего, с которым наши друзья познакомились в Марокко.

Ясновидящий этот никакого впечатления на меня не производит, да и вид у него совершенно отсутствующий.

Но в какой-то момент он словно входит в транс и вдруг говорит, обращаясь к Веронике:

– Будьте осторожнее за рулем. Вы попадете в аварию.

Мне представляются такие слова пророчеством самого скверного пошиба, ведь если Вероника воспримет их всерьез и испугается, ее испуг притянет негативную энергию, а тогда и правда жди беды.

– Надо же, как интересно! – восклицаю я, предвосхищая реакцию остальных. – Вы, кажется, способны провидеть прошлое и будущее? Я как раз говорил об этом сегодня с одним знакомым.

– Да, когда Господь мне это позволяет, я вижу. Могу рассказать о прошлом, настоящем и будущем каждого из сидящих за этим столом. Я не знаю, откуда взялся мой дар, но уже давно научился его принимать.

Разговор, который изначально был посвящен поездке на Сицилию наших друзей, страстных мотоциклистов, внезапно сделал опасный вираж и вот-вот затронет темы, которых мне не хочется теперь касаться. Закон парных случаев.

Настал мой черед говорить:

– Вы, несомненно, знаете, что Господь позволяет нам провидеть лишь то, что можно изменить.

Я поворачиваюсь к Веронике:

– Просто будьте осторожны. На земле события астрального мира имеют свойство изрядно меняться. Иными словами, я почти уверен, что с вами ничего страшного не случится.

Вероника предлагает выпить еще вина. Она решила, что мы с марокканским провидцем представляем конкурирующие школы ясновидения. Но дело не в этом; мой новый знакомый и вправду «видит», и это меня пугает. Надо будет поговорить об этом с Эрве.

Провидец почти не смотрит на меня; у него по прежнему вид человека, которого отвлекли от захватывающей беседы с обитателями иного мира.

Наконец он хочет мне что-то сказать, но вместо этого вдруг обращается к моей жене:

– Душа Турции подарит вашему мужу всю свою любовь, но прежде ему придется заплатить за это кровью.

Еще один знак, указывающий, что мне следует отказаться от путешествия, думаю я, хотя прекрасно знаю, что мы имеем обыкновение видеть в знаках судьбы то, что расположены видеть, а не то, о чем они свидетельствуют на самом деле.

КИТАЙСКИЙ БАМБУК

Для меня переезд из Парижа в Лондон, на книжную ярмарку, – большая радость. Всякий раз, оказываясь в Англии, я вспоминаю 1977 год, когда решил бросить работу в бразильской студии звукозаписи и зарабатывать дальше на жизнь только литературой. Я снял квартиру на Бассет-роуд, завел друзей, изучал вампирологию, бродил по городу, влюблялся, смотрел все фильмы, какие показывали в кинотеатрах, и почти через год вернулся в Рио, так и не написав ни единой строчки.

На этот раз мне предстоит провести в Лондоне всего три дня. Меня ждут автограф-сессии, индийские и ливанские рестораны, разговоры в гостиничных лобби о книгах, писателях и книжных магазинах. Я не собираюсь возвращаться в Сен-Мартен до конца года. Из Лондона самолет перенесет меня в Рио-де-Жанейро, где люди на улицах говорят на моем родном языке, где можно пить по вечерам сок асаи и дни напролет любоваться из окна самым красивым видом на земле: пляжем Копакабана.

* * *

Незадолго до конечной станции в вагон заходит молодой человек с букетом роз и принимается озираться по сторонам. Как странно, думаю я, никогда не видел, чтобы в «Евростаре» торговали цветами.

– Мне нужны двенадцать добровольцев, – громко объявляет юноша. – Каждый из них должен взять по розе и подарить девушке, которую я называю любовью всей моей жизни. Она ждет меня на перроне, и я хочу просить ее руки.

Добровольцы нашлись, и я в их числе, правда, в конце концов мою кандидатуру отвергли. Тем не менее на вокзале я решаю следовать за ними. Молодой человек указывает на девушку, что встречает его на платформе. Один за другим пассажиры подходят, и каждый дарит ей по красной розе. Юноша объясняется в любви, все хлопают, и девушка делается пунцовой от смущения. Наконец они целуются и уходят, обняв друг друга за плечи.

Один из проводников замечает:

– Это самая романтическая история из тех, что случались на нашем вокзале за все годы моей службы.

* * *

Автограф-сессия длится уже почти пять часов, но встреча с читателями наполняет меня

энергией, и мне становится непонятно, как мог я все эти месяцы пребывать в депрессии. Если в своем духовном развитии я столкнулся с кажущимся непреодолимым препятствием, возможно, мне стоит просто запастись терпением. Я уже видел и пережил такое, что редко кому из окружающих доведется увидеть и пережить.

Перед отъездом в Лондон я зашел в маленькую часовню в Барбазан-Деба. Под ее сводами я просил Богородицу не оставлять меня своей любовью и помочь различать те знаки, которые приведут меня обратно к себе самому. Я знаю, что живу в моих близких, а они живут во мне. Мы вместе пишем Книгу Жизни, и каждая наша встреча предопределена судьбой, но мы держимся за руки в надежде, что можем хоть что-то изменить в этом мире. Каждый вносит свою лепту словом или образом, и все в совокупности обретает смысл, ибо счастье одного – радость для всех.

Мы всегда будем задавать себе одни и те же вопросы. Нам всегда будет не хватать смирения, чтобы принять знание сердца о том, зачем мы здесь. Да, это трудно, – говорить со своим сердцем, а может быть, это и не нужно. Нам просто следует довериться ему и считывать знаки судьбы, и проживать нашу собственную жизнь; рано или поздно мы поймем, что все мы являемся частью чего-то большего, даже если не сможем осознать, чем является это большее. Говорят, каждый человек за мгновение до смерти понимает истинный смысл своего существования, и из этого мгновения рождается Рай или ад.

Ад – это когда перед самой смертью человек, оглянувшись назад, понимает, что упустил возможность насладиться чудом жизни. А Рай – это когда ты можешь сказать себе: «Я совершал ошибки, но не был трусом. Я прожил свою жизнь как должно».

Как бы то ни было, мне нет нужды приближать мой собственный ад, вновь и вновь терзая себя тем, что я не могу двигаться дальше в своих духовных исканиях. Достаточно сознавать, что я не оставляю усилий. Даже так и не сделавшие должного уже обрели прощение. Наказанием для них послужило то, что, живые, они чувствовали себя несчастными даже когда ничто не мешало им наслаждаться миром и гармонией. Все мы прощены и вольны идти путем, у которого нет начала и не будет конца.

* * *

Я не захватил с собой книг. Коротая время перед ужином со своими русскими издателями, пролистываю один из тех журналов, что обычно лежат в гостиничных номерах, и натыкаюсь на статью о китайском бамбуке. Оказывается, после того как семена высаживают, на поверхности около пяти лет виднеется лишь крошечный росток. Все это время рост происходит под землей. Там формируется сложная корневая система, и корень разрастается как в глубину, так и в ширину. А к концу пятого года бамбук вдруг устремляется вверх и достигает в высоту двадцать пять метров. Но что за странное чтение! Я откладываю журнал и спускаюсь в лобби, наблюдать за царящим в нем вечным движением.

* * *

В ожидании пью кофе. Моника, мой агент и лучшая подруга, подсаживается ко мне поболтать о всяких пустяках. Она едва стоит на ногах после бесконечных переговоров с

издателями из разных стран и обсуждения по телефону с моим английским издателем в режиме онлайн прошедшей автограф-сессии.

Когда мы стали работать вместе, Монике было всего двадцать; она была моей почитательницей, убежденной в том, что книги бразильского писателя, переведенные на другие языки, могут снискать успех во всем мире. Ради этого Моника бросила факультет химического машиностроения в университете Рио-де-Жанейро, вместе со своим парнем перебралась в Испанию и принялась стучаться в двери европейских издателей и рассылать им письма, уговаривая обратить внимание на мои сочинения.

Когда эти усилия не принесли никаких результатов, я приехал в маленький городок в Каталонии, где жила Моника, пригласил ее в кафе и предложил оставить это безнадежное дело и заняться своей собственной жизнью и своим будущим. Она решительно отказалась и заявила, что не вернется в Бразилию, потерпев поражение. Я попытался убедить ее, что это не поражение, ведь она не только не пропала (раздавая рекламные буклеты и работая официанткой), но обрела бесценный опыт выживания в чужой стране. Но Моника стояла на своем. Я ушел в твердом убеждении, что она губит свою жизнь, огорченный, что мне не удалось ее переспорить из-за ее невероятного упрямства. Впрочем, через полгода положение совершенно переменялось, а еще через полгода она зарабатывала столько, что смогла купить квартиру.

Моника верила в невозможное и потому выигрывала сражения, которые любой другой – включая меня – неизбежно бы проиграл. В этом и состоит доблесть воина: понимать, что воля и храбрость – не одно и то же. Храбрость привлекает к себе страх и лесть, а сила воли предполагает терпение и обязательность. Воистину сильные мужчины и женщины часто бывают одиноки, ибо от них веет холодом. Многим кажется, будто Моника хладнокровна, но это глубокое заблуждение. В ее душе горит огонь, столь же яркий, как и много лет назад, когда мы сидели в том каталонском кафе. И несмотря на то, что уже столь многого добились, она по-прежнему полна энтузиазма.

Я как раз собирался рассказать Монике о нашей недавней беседе с Ж., когда в лобби появились две мои болгарские издательницы. Ничего удивительного: множество народу – из тех, кто участвует в ярмарке, – остановились в этом отеле.

Одна из издательниц обращается ко мне с дежурным вопросом:

– Когда же вы к нам приедете?

– На следующей неделе, если вы беретесь организовать поездку. У меня только одно условие: вечеринка после автограф-сессии.

Женщины растеряны.

Китайский бамбук!

Моника смотрит на меня с ужасом:

– Нам надо уточнить расписание...

– Но я совершенно точно готов прилететь в Софию на следующей неделе, – прерываю ее я. И добавляю на португальском: – Я тебе потом все объясню.

Моника видит, что я не шучу, но издательницы все еще колеблются. Они спрашивают, не соглашусь ли я немного повременить с приездом, чтобы они успели подготовить мне достойный прием.

– На следующей неделе, – настаиваю я. – В противном случае придется перенести поездку на неопределенный срок.

Только теперь они наконец понимают, что я совершенно серьезен, и принимаются обсуждать с Моникой детали. В это время к нам подходит мой испанский издатель. Разговор на время прерывается, все знакомятся, и из уст теперь уже испанского издателя вновь звучит все тот же вопрос:

– Когда же вы снова приедете к нам Испанию?

– Сразу после Болгарии.

– А точнее?

– Примерно через две недели. Можно провести автограф-сессию в Сантьяго-де-Компостела и еще одну в Стране Басков, с вечеринкой, на которую можно пригласить и читателей.

Во взглядах болгарских издательниц я вновь вижу недоверие, Моника натянуто улыбается.

«Не бойтесь брать на себя обязательства!» – сказал мне Ж.

Лобби заполняется людьми. Участники всех крупных выставок, будь то книжная ярмарка или выставка станков для тяжелой промышленности, как правило, размещаются в одних и тех же отелях, и самые важные встречи проходят в гостиничных барах, лобби или на ужинах, таких, как сегодня. Я приветствую всех издателей и всем, задавшим вопрос-приглашение: «Когда вы к нам приедете?» – отвечаю согласием. Я стараюсь подольше беседовать с каждым, не давая Монике вмешаться и спросить, что, черт возьми, здесь происходит. Ей остается только вносить в ежедневник все эти визиты, о которых я договариваюсь у нее на глазах.

В какой-то момент я прерываю разговор с арабским издателем, чтобы поинтересоваться, сколько стран мне предстоит в ближайшее время посетить.

– Послушай, ты ставишь меня в дурацкое положение, – раздраженно шепчет по-португальски Моника.

– Так сколько?

– Шесть стран за пять недель. Между прочим, эти ярмарки проводятся для книгоиздателей,

а не для писателей. Тебе не обязательно принимать все приглашения, ведь я слежу за...

Тут к нам подходит мой издатель из Португалии, и мы не можем продолжить наш разговор. Мы с издателем обмениваемся ничего не значащими фразами, и я его спрашиваю:

– Вы случайно не собираетесь пригласить меня в Португалию?

Он признается, что краем уха слышал наш с Моникой разговор.

– Я серьезно. Было бы замечательно устроить автограф-сессию в Гимаранше и Фатиме.

– Если только вы в последний момент не передумаете...

– Я не передумаю. Обещаю.

Мы договариваемся о сроках, и Моника записывает в ежедневник: Португалия, еще пять дней. Наконец появляются российские издатели, мужчина и женщина. Моника облегченно вздыхает и тянет меня поскорее в ресторан.

Пока ждем такси, она отводит меня в сторонку.

– Ты спятил?

– Ну да, много лет назад. Ты когда-нибудь слышала о китайском бамбуке? Он целых пять лет представляет собой крошечный росток, тем временем разрастаясь корнями. Но наконец приходит пора, когда вдруг выстреливает вверх и достигает высоты в двадцать пять метров.

– А что общего между китайским бамбуком и твоим безумным поведением, свидетелем которого я только что была?

– Позже я поведаю тебе о беседе, которая месяц назад состоялась у меня с Ж. Что же касается бамбука, скажу лишь одно: со мной происходило то же самое. Я много работал, тратил на работу все свое время и силы; я любовно и преданно поддерживал мой собственный рост, – но ничего не происходило. И так было долгие годы.

– Что значит ничего не происходило?! Ты что, забыл, кем стал?!

Подъезжает такси. Русский издатель открывает для Моники дверцу.

– Я говорю о своей духовной жизни. По-моему, я как росток этого бамбука, и теперь настал мой пятый год. Пришло время расти. Ты спросила, не сошел ли я с ума, а я в ответ отшутился. Но по правде сказать, я действительно сходил с ума. Я уже было уверовал, что ни одно из обретенных за эти годы знаний не пустило корни в моей душе.

На долю мгновения, когда к нам подошли болгарские издательницы, я ощутил рядом со мной присутствие Ж. и тут же понял, что он хотел сказать, хотя внутреннее понимание пришло ко мне чуть раньше, когда, скучая, я пролистывал тот журнал по садоводству. Добровольное

заточение помогло разобраться в себе, однако оно имело и побочное действие – тягостное одиночество. Мой мир ограничивался немногочисленными друзьями и перепиской по электронной почте, и мне казалось, что оставшаяся часть жизни принадлежит мне одному. В таком существовании нет места проблемам, что неизбежны при общении с другими людьми, при контакте с ними.

Неужели это то, чего я ищу: жизни, в которой нет места вызовам? Но можно ли искать Бога, сторонясь других людей?

Такой путь выбирают многие. Как-то мне довелось вести полушутливую беседу с буддийской монахиней, которая двадцать лет провела в Непале, в пещере, в полной изоляции от людей. Я поинтересовался, чего она этим добилась. «Духовного оргазма», – ответила монахиня. На это я заметил, что есть и другие способы достичь оргазма, гораздо более доступные.

Это определенно не мой путь; я никогда бы на него не ступил. Я не смогу посвятить свою жизнь достижению духовного оргазма, не смогу, созерцая дуб в моем саду, ожидать снисхождения благодати. Ж. это известно. Он отправил меня в путешествие для того, чтобы я отыскал в глазах других людей свою дорожную карту, которая нужна мне, чтобы обрести самого себя.

Извинившись перед русскими издателями, я объясняю, что мне необходимо договорить с Моникой по-португальски, и начинаю рассказ:

– Один человек поскользнулся и упал в глубокую яму. Мимо проходил священник, и человек попросил его о помощи. Священник благословил его и пошел своей дорогой. Через несколько часов мимо проходил доктор. В ответ на мольбы о помощи он окинул пострадавшего беглым взглядом, выписал ему рецепт и велел купить в ближайшей аптеке лекарство. Наконец на дороге снова появился незнакомец. Пленник попросил его помочь, и тот прыгнул к нему в яму. «Что ты наделал! Теперь нам обоим отсюда не выбраться!» А незнакомец ответил: «Ну что ты! Я ведь живу поблизости и как раз знаю, как вылезти из этой ямы».

– И это означает?... – спрашивает Моника.

– Что мне нужно встретить такого незнакомца. Мои корни уже разрослись, но для того чтобы вымахать вверх, мне потребуется помощь других людей. Не только твоя, Ж. или моей жены, но и тех, кого я прежде никогда не встречал. Я совершенно в этом уверен. Вот почему я просил устраивать вечеринки после автограф-сессий.

– Вечно тебе что-то не так! – жалобно замечает Моника.

– За это ты меня и любишь, – в ответ улыбаюсь я.

* * *

В ресторане мы говорим обо всем понемногу, отмечаем наш успех и обсуждаем детали сотрудничества. Я по большей части не вмешиваюсь в разговор, поскольку все, что касается книг, в компетенции Моника. Но вот наступает момент, когда звучит все тот же вопрос:

– Когда же Пауло посетит Россию?

Моника объясняет, что у меня неожиданно получился весьма плотный график и что начиная со следующей недели каждый мой день буквально расписан по часам. Я ее перебиваю:

– Знаете, у меня есть одна давняя мечта. Я дважды пытался воплотить ее в жизнь, но так ничего и не вышло. Если вы согласитесь мне помочь, я приеду в Россию.

– Что же это за мечта?

– Проехать через всю Россию на поезде и добраться до Тихого океана. Мы могли бы останавливаться в разных городах на автограф-сессии. Отличный повод порадовать читателей, у которых нет возможности добраться до Москвы.

Глаза издателя вспыхивают радостью. Он как раз только что говорил об особых сложностях в распространении книг в обширной стране с девятью часовыми поясами.

– Как романтично, прямо в духе китайского бамбука! – смеется Моника. – И трудноосуществимо. Тебе прекрасно известно, что я не смогу составить тебе компанию, мне нужно быть дома с маленьким сыном.

Но мой издатель полон энтузиазма. Заказав пятую за вечер чашку кофе, он уверяет нас, что возьмет все хлопоты на себя, а мой агент в России отлично со всем справится, и Монике не стоит ни о чем беспокоиться, все пройдет наилучшим образом.

Так я заполнил свой ежедневник двумя месяцами странствий, порадовав и в то же время создав большие проблемы людям, которым предстояло стремительно все организовать. Я ловлю восторженный и уважительный взгляд своего агента и верной подруги и чувствую, что мой наставник, которого нет со мной рядом, знает, что я наконец взял на себя обязательства, хоть в тот момент, когда он мне об этом толковал, я его и не понял. Вечер выдался холодный, но я пешком возвращаюсь в гостиницу, чувствуя смятение, но и радость, конечно, тоже, сознавая, что назад уже не повернуть.

Этого я и хотел. Если верить в победу, ты победишь, поскольку победа поверит в тебя. Человеческая жизнь была бы неполной без толики безумия. Как сказал Ж., я должен отвоевать свое царство. Если сумею понять, что происходит в мире, я пойму, что происходит в моей душе.

* * *

В отеле мне сообщают, что жена тщетно пыталась до меня дозвониться и просит перезвонить ей как только смогу. Мне становится не по себе: она редко звонит, когда я в разъездах. Я тут же набираю ее номер. Мгновения между гудками кажутся мне вечностью.

Наконец она берет трубку.

– Вероника попала в серьезную аварию, но не беспокойся, ее жизни ничто не угрожает, –

взволнованно говорит она.

Я спрашиваю, можно ли прямо сейчас позвонить Веронике, но жена отвечает, что нельзя: та все еще в больнице.

– Ты помнишь ясновидящего? – спрашивает жена.

Еще бы, конечно помню! Ведь он и мне сделал предсказание. Закончив разговор, я тут же набираю номер Моники. И спрашиваю, не запланирована ли у нас случайно поездка в Турцию.

– Ты даже не помнишь, чьи приглашения принял?

Да, не помню. Назначая все эти поездки, я пребывал в странной эйфории.

– Но надеюсь, ты помнишь о взятых на себя обязательствах. Если хочешь, у нас есть еще время все переиграть.

Я отвечаю, что с радостью выполню задуманное и что дело не в этом. Уже слишком поздно, чтобы рассказывать ей о ясновидящем, предсказаниях и Веронике. Я снова спрашиваю Монику, нет ли в нашем списке Турции.

– Нет, – отвечает Моника. – Турецкие издатели остановились в другом отеле. А иначе бы...

И мы от души смеемся.

Теперь я смогу спокойно заснуть.

СВЕТИЛЬНИК ДЛЯ ЧУЖЕЗЕМЦА

Позади почти два месяца странствий. Ко мне вернулась радость жизни, но каждую ночь я просыпаюсь с вопросом, буду ли ощущать ее, когда окажусь снова дома. Те ли действия я предпринимаю, чтобы дать китайскому бамбуку прорасти? Я побывал уже в семи странах, встретился со своими читателями, радовался этим встречам, забыв на время о своей депрессии, но что-то подсказывает мне, что царства я еще не вернул. Эти мои путешествия не слишком отличались от подобных поездок, предпринятых в прежние времена.

Мне остается посетить только Россию. А что потом? Брать на себя все новые обязательства, чтобы продолжить движение, или, остановившись, попытаться оценить полученные результаты?

На сегодняшний день ответа у меня нет. Я знаю лишь одно: жизнь без путеводной звезды – пустая жизнь. И не могу допустить, чтобы такое случилось со мной. Если понадобится, я готов продолжить странствия хоть до конца года.

Сейчас я в африканском городе Тунисе, столице одноименной страны. Встреча с читателями вот-вот начнется, и – хвала Господу! – зал полон. Двое местных интеллектуалов

готовятся представить меня публике. Перед началом один из них показал мне текст своего выступления, с которым вполне можно уложиться в две минуты, а другой – пространную речь о моих книгах: на полчаса, не меньше.

Координатор деликатно объясняет последнему, что поскольку мероприятие будет длиться менее часа, для него не найдется достаточно времени, чтобы он мог прочесть всю свою речь от начала до конца. Я сочувствую, понимая, как нелегко далось автору это эссе, но координатор прав: я здесь для того, чтобы напрямую общаться с моими читателями. После непродолжительного спора автор речи заявляет, что больше не желает участвовать в нашем мероприятии, и уходит.

Встреча начинается. После краткого обмена приветствиями и благодарностями я сообщаю собравшимся, что приехал к ним не для того, чтобы что-то объяснять, и что в идеале наша встреча должна представлять собой не монолог, но свободную беседу.

Молодая женщина спрашивает меня о знаках, о которых я пишу в своих книгах. Какими они бывают? Я отвечаю, что знаки – это сугубо личное, это язык, который мы учимся распознавать всю свою жизнь, проходя через тяжкие испытания и совершая ошибки, пока не начинаем понимать, что Господь ведет нас по жизни. Еще один читатель предполагает, что в Тунис меня тоже привел знак. Не вдаваясь в детали, я признаю, что так оно и есть.

Разговор продолжается, время летит незаметно, и наконец приходится закругляться. Я наугад выбираю из шестисот участников встречи усатого мужчину средних лет и предлагаю ему задать последний вопрос.

– У меня нет вопросов, – говорит тот. – Я хочу только произнести имя.

Имя, которое он произносит, – Барбазан-Деба. Это маленькая часовня на краю света, за тысячу километров отсюда, та самая, куда я однажды пожертвовал иконку в благодарность за явленное чудо. Та самая часовня, где, отправляясь в паломничество, я просил заступничества Пресвятой Девы.

Я не знаю, что ему ответить. Вот что написал об этом один из тех, кто сидел рядом со мной на сцене:

Время как будто остановилось, и земля перестала вращаться. Случилось нечто непостижимое: я увидел слезы в ваших глазах и в глазах вашей дорогой жены, когда неизвестный читатель произнес название той часовни.

Вы вдруг утратили дар речи, и с вашего лица сошла улыбка. Ваши глаза наполнились слезами, которые робко дрожали на кончиках ресниц, словно извиняясь за то, что явились без спроса.

Даже у меня в тот момент перехватило дыхание. Я принялся искать глазами жену и дочь; я всегда так делаю в минуту смятения. Они были в зале, и они так же, как остальные, затаив дыхание, смотрели только на вас, взглядом посылая вам сочувствие и поддержку.

Я безмолвно просил Кристину о помощи, пытался понять, что происходит, как нарушить эту звенящую тишину. И увидел, что она тоже молча плачет вместе с вами, словно вы – две ноты одной симфонии, и словно ваши слезы струились заодно, хоть вы и сидели далеко друг от друга.

Несколько тягостных мгновений ничего не существовало: ни зала, ни публики, вообще ничего. Вы с вашей женой перенеслись туда, куда никто из нас не мог за вами последовать. С нами осталась лишь чистая радость бытия, нашедшая выход в молчании и слезах.

Слова – это слезы, излитые на бумагу. Слезы – это слова, которые не следует произносить. Без них радость утратила бы свое сияние, а печаль была бы бесконечной. И потому спасибо вам за ваши слезы.

Наверное, мне стоило сказать молодой женщине, задавшей вопрос о знаках, что это тоже был знак, утверждавший, что я нахожусь там, где должен быть, в нужное время в нужном месте, хоть и не понимаю, что меня туда привело.

Впрочем, полагаю, в этом не было нужды. Она наверняка и так все поняла ^[3].

* * *

Мы с женой, взявшись за руки, бродим по тунисскому базару, всего в пятнадцати километрах от развалин Карфагена, который в свое время осмелился бросить вызов могущественному Риму. Мы говорим о великом карфагенском полководце Ганнибале. Поскольку Рим и Карфаген разделяли несколько сотен километров водной глади, римляне ожидали, что сражение произойдет на море. Но Ганнибал со своим огромным войском пересек пустыню и Гибралтарский пролив, прошел Испанию и Галлию, переправился через Альпы вместе с боевыми слонами и атаковал римлян с севера, одержав одну из самых славных побед в мировой истории.

Ганнибал уничтожил всех, кто встал на его пути, и внезапно – по причинам, никому не известным, – остановился всего в шаге от Рима, так и не атаковав Вечный город. И из-за этой нерешительности много лет спустя Карфаген был стерт с лица земли огнем с римских кораблей.

– Ганнибал остановился и проиграл, – размышляю я вслух. – Значит, надо двигаться вперед, невзирая на трудности. Я уже начинаю привыкать к бесконечным переездам.

Жена делает вид, будто не слышит моих слов, понимая, что я обращаюсь к самому себе, в чем-то себя убеждая. В местном баре нас ждет Самиль, один из тех, кого я наугад пригласил на вечеринку после встречи с читателями. Я прошу его показать нам не достопримечательности, какие обычно демонстрируют туристам, а истинную жизнь города.

Самиль ведет нас к прекрасному зданию, на месте которого в 1574 году произошло братоубийство. Отец убийцы и жертвы возвел здесь дворец и устроил в нем школу в память об убитом сыне. В ответ на рассказ Самили я замечаю, что тот сын, который совершил убийство, отныне также не будет забыт.

– Не совсем так, – говорит Самиль. – У нас принято считать, что вину преступника разделяют все, кто не предотвратил преступление. Когда совершается убийство, того, кто продал душегубу оружие, считают не менее виновным перед Всевышним. Единственный путь, каким отец мог искупить собственную вину, было обратиться трагедию на пользу людям.

Внезапно все исчезает: дом, улица, город, Африка. Я словно совершаю гигантский прыжок в темноту и оказываюсь в туннеле, ведущем в сырой подвал. Я вернулся в одну из своих прошлых жизней, за двести лет до того, как в этом доме пролилась кровь. Я стою перед Ж., который пристально смотрит на меня, и взгляд его суров.

Через мгновение я вновь оказываюсь в настоящем. Стою посреди шумной тунисской улицы, рядом – жена и Самиль. Что это было? Отчего корни китайского бамбука несут отраву его побегам? Та жизнь осталась в прошлом, а ее грехи искуплены.

« Вы лишь однажды трусили, а я множество раз поступал не по совести. И теперь, благодаря этому открытию, я свободен », – сказал мне Ж. в Сен-Мартене. Он никогда не поощрял моих попыток вернуться в прошлое, категорически пресекал чтение книг и выполнение упражнений, с помощью которых можно этого добиться.

– Вместо того чтобы обратиться к мести, которая едва ли стала бы адекватным наказанием, отец убитого предпочел сеять мудрость и знание; его школа просуществовала более двухсот лет, – говорит Самиль.

Несмотря на мое перемещение во времени, я не пропустил ни одного его слова.

– Вот именно.

– Ты о чем? – спрашивает жена.

– Я в пути. Я начинаю понимать. Во всем этом есть смысл.

Меня охватывает восторг, который смущает нашего спутника.

– Что говорит ислам о реинкарнации? – спрашиваю я.

Самиль выглядит растерянным.

– Понятия не имею, – признается он. – Я же не богослов.

Я прошу его узнать ответ на мой вопрос. Самиль берет мобильный и начинает обзванивать своих знакомых. Мы с женой заходим в бар и заказываем очень крепкий кофе. Мы оба устали, и нас ждет ужин из морепродуктов, а теперь нам следует держаться, чтобы не съесть ничего лишнего.

– У меня сейчас было дежа вю, – говорю я.

– Время от времени такое бывает у всех. Не обязательно быть магом, чтобы испытать

подобное, – подтрунивает надо мной Кристина.

Разумеется, это так. Но дежа вю – нечто большее, чем краткий и ничего не значащий миг нашей жизни, о котором мы позабыли, а потом внезапно вспомнили. Это знак того, что время никуда не уходит. Это словно скачок в некий прежний опыт, который непрерывно повторяется.

Самиль куда-то запропастился.

– Когда мы осматривали дворец, я на долю секунды перенесся в прошлое. Я уверен, это случилось в тот момент, когда Самиль говорил о том, что вина за преступление лежит не только на преступнике, но на всех тех, кто создает условия, при которых преступление становится возможным. В 1982 году, когда мы только познакомились с Ж., он говорил мне, что я как-то связан с его отцом. С тех пор он никогда не возвращался к тому разговору, и я забыл о нем. Но несколько мгновений назад я видел его отца. И теперь понимаю, что он имел в виду.

– В той жизни, о которой ты мне рассказывал?..

– Да. Во времена испанской инквизиции.

– Та жизнь давно прошла. Зачем терзать себя из-за какой-то древней истории?

– Я не терзаюсь. Я давно понял: чтобы исцелить раны, надо найти в себе мужество их рассмотреть. Я научился прощать себя и исправлять свои ошибки. Но понимаешь, это путешествие как гигантская головоломка, и я только-только успел разобрать ее по кусочкам; любовь, ненависть, жертва, прощение, радость и печаль. Вот зачем мы здесь. Я чувствую себя много лучше, словно и в самом деле отправился на поиски собственной души и своего царства вместо того чтобы сидеть на месте и ныть, что учение не идет мне впрок. Я пока не обрел своего царства, потому что не все понимаю, но когда это свершится, истина сделает меня свободным.

* * *

Самиль возвращается с книгой. Усевшись за столик, он раскладывает перед нами свои записи и бережно переворачивает страницы, бормоча что-то по-арабски.

– Я поговорил с тремя знающими людьми, – наконец сообщает Самиль. – Двое заверили меня, что после смерти все мы попадем прямо в рай. А третий посоветовал обратиться к нескольким стихам Корана.

Я вижу, что он взволнован.

– Вот первая: 2:28. «Вы были мертвыми, и Он оживил вас, потом Он умертвит вас, потом оживит, потом к Нему вы будете возвращены». Боюсь, я плохой переводчик, но смысл именно таков.

Самиль энергично перелистывает священную книгу и переводит следующий стих, 2:154:

– «Не говорите о тех, кто принес себя Всевышнему: “Они мертвы!” Нет, они живы, хоть и

невидимы для вас».

– Вот оно!

– Здесь есть и другие стихи. Но если честно, от этой темы мне как-то не по себе. Давайте я лучше покажу вам Тунис.

– Того, что вы прочли, вполне достаточно. Люди не уходят, мы всегда пребываем здесь, между прошлым и будущим. Между прочим, в Библии есть похожие слова. В одном месте Иисус говорит об Иоанне Крестителе: «Он (Креститель) – Илия, который должен прийти». Если постараться, можно припомнить и другие цитаты на ту же тему, – говорю я.

Самиль начинает рассказывать легенду о возведении города, и я понимаю, что пора вставать и идти дальше осматривать его достопримечательности.

* * *

Над воротами древней городской стены есть фонарь, и Самиль объясняет:

– Считается, что отсюда пошла известная арабская поговорка: «Свет от фонаря падает только на чужеземца».

Что ж, поговорка на редкость актуальна. Самиль мечтает стать писателем и борется за признание у себя в стране, где признают как раз меня, писателя из Бразилии.

Я вспоминаю, что у нас есть похожая пословица: «Нет пророка в своем отечестве». Мы обычно ценим то, что пришло издалека, и редко обращаем внимание на красоту вокруг нас.

– Хотя время от времени, – продолжаю я, – стоит побывать чужеземцем для самого себя. Только тогда нам дано узреть тайный свет собственной души.

Моя жена, похоже, совсем не следит за ходом нашей беседы, но в какой-то момент она оборачивается ко мне и произносит:

– Я не знаю, как это объяснить, но по-моему, в этом фонаре есть нечто такое, что прямо касается тебя. Как только пойму, я сразу скажу тебе, что именно.

* * *

Немного отдохнув и поужинав с друзьями, мы вновь отправляемся на прогулку по городу. Только теперь Кристина берется объяснить мне, что она почувствовала днем:

– Ты путешествуешь и в то же время остаешься дома. Пока мы вместе, это так и будет продолжаться, потому что рядом с тобой человек, который хорошо тебя знает, и это внушает тебе обманчивое чувство обыденности. Тебе пора продолжить путь одному. Возможно, тебя угнетает одиночество, которое кажется тебе непереносимым, но это чувство постепенно исчезнет, когда ты станешь теснее общаться с другими людьми.

Немного помолчав, она продолжает:

– Я где-то читала, что в лесу из ста тысяч деревьев не найдется двух одинаковых листков. И даже если двое следуют одним и тем же Путем, у каждого из них свое странствие. Если мы будем держаться вместе, стараясь подстраиваться под наши общие взгляды, никто из нас не добьется успеха. Так что теперь я прощаюсь с тобой и говорю: встретимся в Германии, на первом матче чемпионата мира по футболу.

КОГДА ДУЕТ ХОЛОДНЫЙ ВЕТЕР

Когда вместе с моими издателем и редактором мы приезжаем в московскую гостиницу, у входа меня поджидает молодая женщина. Она подходит и решительно здоровается со мной за руку.

– Мне нужно с вами поговорить. Я специально приехала ради этого из Екатеринбурга.

Я устал. Так как прямого рейса не было, мне пришлось встать раньше обычного и сделать пересадку в Париже. Я пытался дремать в самолете, но всякий раз, засыпая, попадал в один и тот же неприятный, надоедливый сон.

Мой издатель говорит девушке, что автограф-сессия состоится завтра, к тому же через три дня мы будем в Екатеринбурге: это будет наша первая остановка в пути. Я протягиваю руку для прощального пожатия и удивляюсь, какие у девушки холодные пальцы.

– Почему вы не стали ждать меня в отеле?

На самом деле мне хотелось спросить, откуда она узнала, где я остановился. Хотя это, вероятно, было не так уж сложно: со мной подобные вещи уже случались.

– Я накануне прочла ваш блог и поняла, что вы обращаетесь прямо ко мне.

Я вел путевые заметки в своем блоге в интернете. Это был своего рода эксперимент, я не придерживался хронологии, и теперь мне трудно было догадаться, какую из моих записей она имеет в виду. Как бы то ни было, я никак не мог обращаться в них к человеку, которого вижу теперь впервые в жизни.

Незнакомка протягивает мне листок бумаги, распечатку моей заметки. Я знаю эту историю наизусть, хоть и не помню, где ее впервые услышал: человек по имени Али, которому очень нужны деньги, просит о помощи хозяина лавки. Тот предлагает ему сделку: если проведешь ночь на вершине горы – получишь много денег, не сдюжишь – придется работать на меня бесплатно. Далее притча гласит:

Когда Али выходил из лавки, подул ледяной ветер. Приунывший Али отправился к своему другу Айдыну и рассказал ему о том, каким он был ослом, когда принял условия торговца.

Немного поразмыслив, Айдын сказал: «Не огорчайся, я тебе помогу. Сегодня вечером, когда поднимешься на гору, посмотри прямо вперед. Я всю ночь буду жечь костер на вершине горы напротив. Смотри на огонь и думай о нашей дружбе; это тебя согреет, и ты точно выдержишься. А когда придет время, ты отплатишь мне за услугу».

Али выиграл в споре, получил деньги и отправился к Айдыну: «Ты сказал, что хочешь, чтобы я отплатил тебе за твою помощь».

Айдын ответил: «Да, это так, но деньги мне не нужны. Пообещай, что, когда в моей жизни подует холодный ветер, ты разожжешь для меня костер дружбы».

Я благодарю девушку за интерес к тому, что я делаю, и объясняю, что очень занят, но если она придет на автограф-сессию, которая будет проходить в книжном магазине, я буду счастлив подписать ей одну из моих книг.

– Я не за тем приехала. Я знаю о том, что вы собираетесь проехать через всю Россию, и хочу попросить вас взять меня с собой. Когда я читала вашу первую книгу, мне был голос. Он сказал, что вы зажгли для меня священный огонь и что настанет день, когда я должна буду отплатить вам тем же. Я думала об этом ночи напролет и даже собиралась лететь в Бразилию, чтобы разыскать вас. Я знаю, что вам нужна помощь, поэтому я здесь.

Мои спутники смеются. Я очень вежливо прощаюсь с девушкой до завтра. Издатель объясняет ей, что меня ждут, и я хватаюсь за это как за соломинку.

– Меня зовут Хиляль, – говорит девушка прежде чем уйти.

Спустя десять минут я сижу у себя в номере. Я уже забыл о странной девушке, что подошла ко мне у входа в гостиницу. Я не помню, как ее зовут, и едва ли узнаю, если снова увижу. И все же на душе у меня беспокойно: в ее глазах я увидел любовь и смерть.

Я сбрасываю одежду и встаю под душ. Вот один из самых любимых моих ритуалов.

Запрокидываю голову и слушаю мерный шум воды, который отгораживает меня от всего, переносит в другой мир. словно дирижер, способный уловить голос каждого инструмента в оркестре, я различаю отдельные звуки, которые постепенно складываются в слова. Я не понимаю их значения, но знаю: этот язык существует.

Усталость, тревога, растерянность человека, очутившегося так далеко от дома, отступают. С каждым днем я все больше убеждаюсь в том, что моя поездка принесет свои плоды. Ж. прав, предостерегая меня против медленного отравления ядом рутины: душ делает кожу чистой, еда питает наше тело, а долгие одинокие прогулки укрепляют сердце, – не более того.

Теперь моя жизнь меняется; неспешно, исподволь, но меняется. За трапезой я наслаждаюсь беседой с друзьями; во время прогулки медитирую, погружаясь в настоящее; а звуки падающей воды очищают мой слух от суетных мыслей, и такие простые вещи способны приблизить нас к Господу, если мы научимся оценивать каждый жест, как он того заслуживает.

Когда Ж. сказал, что мне пора проститься с налаженной жизнью и пуститься на поиски своего царства, я чувствовал себя растерянным, подавленным, оставленным. Я нуждался в каком-то готовом решении или ответе на свои сомнения, в чем-то таком, что утешит меня и поможет вновь обрести душевный покой. Те, кому доводилось отправляться на поиски своего царства, знают, что вместо царства они обретут лишь новые вызовы, бесконечное ожидание, внезапные перемены, или, что еще хуже, – совсем ничего.

Нет, я преувеличиваю. Если ты чего-то ищешь, это что-то ищет тебя.

Как бы то ни было, надо быть готовым ко всему. А потому я принимаю решение, которое должен был принять: даже если эта поездка не даст мне совсем ничего, я буду продолжать свои поиски, потому что еще в лондонском отеле понял, что, хотя мои корни уже разрослись, моя душа медленно умирает от чего-то такого, что очень трудно определить, но от чего еще труднее исцелиться.

От рутины.

Рутинa и повторение – не одно и то же. Для того чтобы достичь в чем-то совершенства, необходимо практиковаться и повторять, повторять, повторять, пока техника не станет такой же естественной, как дыхание. Это я понял еще ребенком, в маленьком городке в бразильской глубинке, где моя семья проводила лето. Больше всего меня впечатляла работа кузнеца, который жил по соседству. Я мог сидеть, замерев, целую вечность, глядя, как тяжелый молот поднимается и ударяет по куску раскаленного железа, разбрасывая вокруг фейерверк красных искр. Как-то кузнец спросил меня:

– Ты, верно, думаешь, я все время делаю одно и то же?

– Да.

– А вот и нет. У каждого удара своя мощь: иной раз я бью по металлу со всей силы, а иногда едва его касаюсь. Но прежде чем я этому научился, мне много лет подряд приходилось повторять одно и то же, пока не наступил момент, когда мне уже не нужно было думать о том, что делаю, – моя рука вела меня сама.

Эти слова врезались мне в память.

РАЗДЕЛЕНИЕ ДУШ

Я вглядываюсь в каждого из моих читателей, протягиваю руку и благодарю их за то, что пришли. В своих странствиях я один, но душа, перелетающая из города в город, не одинока: я вмещаю в себя всех тех, кто понял мою душу из моих книг. Я не чувствую себя чужим ни в Москве, ни в Лондоне, ни в Тунисе, ни в Киеве, ни в Сантьяго-де-Компостела, ни в Гимаранше – ни в одном из городов, которые мне довелось посетить за эти полтора месяца.

Я слышу, как за моей спиной жарко спорят, но стараюсь сосредоточиться на том, что делаю. Между тем обстановка накаляется. Я оборачиваюсь и спрашиваю своего издателя, что происходит.

– Это вчерашняя девчонка. Требуется, чтобы мы взяли ее с собой.

Я не могу даже вспомнить вчерашнюю девушку, но прошу спорщиков утомиться и продолжаю подписывать книги.

Кто-то садится рядом со мной, но тут появляется охранник в униформе, и спор разгорается снова. Я перестаю подписывать книги и поворачиваю голову.

Возле меня сидит девушка, в глазах которой я прочел любовь и смерть. Я впервые внимательно смотрю на нее: темные волосы, на вид лет двадцати двух – двадцати девяти (я совсем не умею определять возраст), в потертой кожаной куртке, джинсах и кедах.

– Мы проверили ее рюкзак, – говорит охранник, – так что опасаться нечего. Но ей нельзя здесь оставаться.

Девушка молча улыбается. Очередной читатель терпеливо ждет окончания разговора, чтобы получить на свои книги автограф. А девушка и не думает уходить.

– Вы меня помните? Я Хиляль. Я пришла разжечь священный огонь.

Я говорю, что да, отлично помню. Вру конечно. Люди, стоящие в очереди, заметно нервничают, а читатель, ждущий автографа, обращается к девушке по-русски, и по его тону я понимаю, что он говорит что-то резкое.

У португальцев есть пословица: «То, что нельзя вылечить, нужно вытерпеть». Разбираться некогда, надо что-то делать. Я прошу девушку подождать меня в сторонке, чтобы не мешать другим. Она послушно встает и отходит.

Уже через минуту я вновь забываю о ее существовании, сосредоточившись на том, что происходит. Я принимаю благодарности и благодарю в ответ, и следующие четыре часа пролетают, словно один счастливый миг. Каждый час я делаю перерыв, чтобы выкурить сигарету, но совершенно не чувствую усталости. Автограф-сессии я обычно завершаю словно с полностью заряженными батарейками – более энергичным, чем всегда.

В конце я прошу собравшихся наградить организаторов аплодисментами. Наступило время ехать на следующую встречу. Девушка, о которой я за все это время ни разу не вспомнил, снова подходит ко мне.

– Мне нужно кое-что вам показать.

– Это невозможно, – говорю я. – Меня ждут на ужин.

– Нет, это возможно, – отвечает она упрямо. – Меня зовут Хиляль, это я вчера ждала вас у

входа в отель. Я могу показать это прямо сейчас, пока вы собираетесь.

Прежде чем я успеваю ответить, девушка достает из футляра скрипку и начинает играть.

Читатели, начавшие расходиться, возвращаются, чтобы послушать этот импровизированный концерт. Хиляль играет с закрытыми глазами, словно в трансе. Я смотрю, как смычок порхает над скрипкой, почти не касаясь струн и рождая мелодию, которой я прежде никогда не слышал и которая сообщает мне и всем остальным что-то такое, что непременно нужно услышать. Иногда девушка замирает, а в следующий момент кажется, будто она предается экстазу, танцуя вместе с инструментом; но в основном движутся только ее руки.

Каждая нота пробуждает в нас воспоминания, а вся мелодия рассказывает удивительную историю, историю души, что тянется к другой душе без страха быть отверженной. Пока Хиляль играет, я вспоминаю, как часто случалось, что помощь приходила ко мне именно от тех людей, которые, как мне казалось, не имели никакого отношения к моей жизни.

Скрипка замолкает, но никто не аплодирует, и в зале воцаряется почти осязаемая тишина.

– Спасибо, – говорю я.

– Я поделилась с вами частичкой своей души, но этого недостаточно, чтобы исполнить мою миссию. Вы возьмете меня с собой?

Честно говоря, чересчур настойчивые люди вызывают у меня одну из двух реакций: я либо поспешно ретируюсь, либо немедленно сдаюсь. Я не могу сказать человеку, что его мечта неосуществима. Не у каждого найдется такая сила воли, какую продемонстрировала Моника в том каталонском кафе, а если я возьмусь убеждать кого-то свернуть с раз и навсегда избранного пути, я, очень может быть, сумею убедить в этом и самого себя, и жизнь моя станет неполноценной.

В тот день я выбираю второй сценарий: звоню послу Бразилии и прошу разрешить мне пригласить на ужин еще одного человека. Тот весьма учтиво отвечает, что мои читатели для него такие же желанные гости, как и я сам.

* * *

Ужин в бразильском посольстве – строго официальное мероприятие, но посол делает все, чтобы приглашенные чувствовали себя как дома. Платье Хиляль смело можно назвать квинтэссенцией дурного вкуса. Слишком яркое и даже аляповатое, оно резко выделяется на фоне чопорных протокольных нарядов других гостей. Распорядители не нашли ничего лучшего, как посадить нежданную гостью на почетное место рядом с хозяином.

Пока приглашенные рассаживаются, мой русский друг, бизнесмен, предупреждает меня, что у нас назревают проблемы с моим российским агентом, которая во время аперитива поругалась по телефону с мужем.

– Из-за чего?

– Речь вроде бы о том, что ты собирался пойти в клуб, которым он управляет, но в последний момент передумал.

В моем ежедневнике и вправду упоминался какой-то клуб с пометкой «обсудить меню во время путешествия по Сибири», но в такой насыщенный, наполненный положительной энергией день мне было не до этого. Встречу я отменил в силу ее полной абсурдности: мне никогда в жизни не приходилось с кем бы то ни было обсуждать меню. Вместо этого я собирался вернуться в отель, принять душ и вновь позволить струям воды унести меня в даль, невообразимую даже для меня самого.

Подали закуски, потекла неторопливая беседа, и жена посла любезно предложила Хиляль немного рассказать о себе.

– Я родилась в Турции, а в двенадцать лет переехала в Екатеринбург, чтобы учиться играть на скрипке. Вы, конечно, знаете, как отбирают будущих музыкантов?

Супруга посла не имеет об этом ни малейшего представления. Разговоры за столом стихают. Похоже, всем интересно послушать эту странную молодую женщину в кричащем платье.

– Ребенок, который начинает играть на инструменте, занимается определенное количество часов в неделю. На этом этапе из каждого может получиться по меньшей мере приличный оркестрант. Однако со временем некоторые дети начинают заниматься больше других. В конце концов формируется небольшая группа тех, кто играет по сорок часов в неделю. Эмиссары из крупных оркестров разъезжают по музыкальным школам в поисках талантов, из которых можно слепить настоящих профессионалов. Так было и со мной.

– Значит, вы нашли свое призвание, – замечает посол. – Такой шанс выпадает не всем.

– Не совсем призвание. Я не занималась ничем, кроме музыки, потому что когда мне было десять лет, я стала жертвой сексуального насилия.

За столом делается совсем тихо. Посол меняет тему и начинает рассказывать о переговорах России и Бразилии об экспорте и импорте тяжелой промышленности, но никого, решительно никого из приглашенных не интересует торговый баланс моей страны. Пора брать нить разговора в свои руки.

– Если позволите, Хиляль, нам всем было бы интересно послушать о том, как маленькая жертва насилия сделалась скрипачкой-виртуозом.

– Что означает ваше имя? – спрашивает жена посла в последней безнадежной попытке повернуть разговор в другое русло.

– По-турецки он означает «полумесяц». Этот символ изображен на нашем флаге. Мой отец был радикальным националистом. Между прочим, это имя чаще дают мальчикам. Кажется, по-арабски оно значит что-то еще, но я не уверена.

Я не собираюсь сдаваться:

– И все же, возвращаясь к вашей истории. Не стесняйтесь, здесь все свои.

Все свои? Большинство гостей до этого ужина ни разу не встречались.

Люди за столом уткнулись в свои тарелки и делают вид, будто страшно увлечены едой, хотя в глубине души каждый из них умирает от любопытства. Хиляль говорит так, словно речь идет о самых обыденных вещах.

– Это был мой сосед, которого все считали добрым, воспитанным, деликатным человеком, надежным другом, всегда готовым прийти на помощь. У него были жена и две дочки моего возраста. Когда я приходила с ними поиграть, он усаживал меня на колени и рассказывал чудесные истории. А сам, будто невзначай, меня ласкал, и поначалу я принимала его прикосновения за знаки приязни. Потом он стал трогать меня между ног, просить, чтобы я его трогала, и все в этом роде.

Взгляд Хиляль скользит по лицам пяти женщин, сидящих за столом:

– Такие вещи, к сожалению, не редкость. Не правда ли?

Женщины молчат, но что-то подсказывает мне, что одна или две из них пережили нечто подобное.

– Но это было еще не самое страшное. Хуже всего то, что мне стало это нравиться, хотя я понимала, что так нельзя. Наконец в один прекрасный день я решила, что больше туда не пойду, хотя родители настаивали, чтобы я дружила с соседскими девочками. В то время я как раз начала играть на скрипке, и заявила родителям, что мне надо больше заниматься, поскольку преподаватели мной недовольны. Я играла дни напролет, яростно, отчаянно.

В зале повисло молчание, растерянные гости не знают, что сказать.

– Поскольку я носила все это в себе, а жертвам свойственно во всем винить себя, я продолжала себя наказывать. И теперь, став взрослой, отношения с мужчинами я свожу к страданиям, ссорам и опустошению.

Хиляль смотрит на меня, а с ней и все остальные.

– Но теперь ведь все изменится, правда?

И я, до того момента управлявший ситуацией, внезапно теряюсь. Меня хватает лишь на то, чтобы пробормотать:

– Да, конечно, будем надеяться, – и поспешно перевести разговор на архитектурные достоинства здания, в котором размещается бразильское посольство.

На улице я спрашиваю у Хиляль, где она остановилась, и прошу своего друга, который собирается везти меня в отель, подбросить и ее. Тот соглашается.

– Спасибо за музыку и за то, что поделились своей историей с совершенно незнакомыми людьми. Теперь каждое утро, пока ваш разум еще пуст, постарайтесь уделять немного времени Божественному. В воздухе содержится космическая энергия, которая в разных культурах обозначается по-разному, но это не важно. А важно то, что я вам сейчас говорю. Вдыхайте глубоко и просите, чтобы вся благодать, которая содержится в воздухе, наполняла все ваше тело до единой клеточки. Потом медленно выдохните, распространяя вокруг себя счастье и умиротворение. Повторяйте упражнение десять раз в день. Вы поможете себе исцелиться и сделаете мир чище.

– Что вы хотите сказать?

– Ничего. Просто делайте упражнение. Вы постепенно преодолете ваше негативное восприятие любви. Не позволяйте разрушить вас силе, что помещена в наши сердца, чтобы делать мир лучше. Дышите, вбирая в себя все, что существует на земле и на небесах. Выдыхайте красоту и плодородие. Поверьте, это упражнение непременно поможет.

– Я сюда приехала не для того, чтобы выучить упражнение, которое можно найти в любом учебнике йоги, – злится Хиляль.

Мимо проносятся ярко освещенные московские улицы. Чего бы мне действительно хотелось, так это прогуляться по улицам, посидеть в кафе, но день был таким длинным, а на завтра намечено несколько встреч, и надо выспаться.

– Так вы возьмете меня с собой?

Господи, ну сколько можно? Мы впервые встретились меньше чем сутки назад, если это можно назвать встречей. Мой друг смеется. Я пытаюсь сохранить серьезный вид.

– Послушайте, я ведь взял вас на ужин в посольство. Чего ж еще? Цель моей поездки не рекламная... – не без колебаний говорю я. – У меня есть на то глубоко личные мотивы.

– Да, я знаю.

По тону, каким девушка произносит эти слова, я вдруг чувствую, что она действительно знает, но я предпочитаю не доверять своим ощущениям.

– Я заставила страдать многих мужчин и сама ужасно страдала, – продолжает Хиляль. – Свет любви хочет прорваться из моей души, но не может: боль не пускает. Я могу вдохнуть и выдохнуть каждое утро до конца своих дней, этим мне не решить своей проблемы. Я пыталась выразить свою любовь через игру на скрипке, но и этого мало. Мне известно, что мы с вами можем исцелить друг друга. Я разожгла костер на горе напротив, вы можете положиться на меня.

Почему она так говорит?

– То, что приносит боль, может принести исцеление, – говорит девушка. – Моя жизнь была тяжелой, но она многому меня научила. Вам не дано это видеть, но мое тело – сплошная кровоточащая рана. Просыпаясь по утрам, я хочу умереть, но продолжаю жить, борясь и страдая, страдая и борясь, отчаянно веря, что в один прекрасный день все это кончится. Умоляю, не бросайте меня. В этом путешествии мое спасение.

Мой друг останавливает машину, открывает кошелек и протягивает Хиляль пачку банкнот.

– Пауло не хозяин поезда, – заявляет он. – Возьмите, этого должно хватить на билет во второй класс и трехразовое питание.

Потом обращается ко мне:

– Ты знаешь, что я сейчас переживаю. Моя любимая умерла, и даже если я буду вдыхать и выдыхать каждое утро до конца своих дней, мне все равно никогда не стать счастливым. Я тоже сплошная рана, и моя рана тоже кровоточит. Я очень хорошо понимаю, о чем говорит эта девушка. Мне известно, что ты предпринял эту поездку по глубоко личным причинам, но ты не можешь бросить Хиляль. Если ты веришь в то, о чем пишешь, ты должен позволять окружающим тебя людям расти вместе с тобой.

– Ну хорошо, – говорю я. – Мой друг прав, и потом я на самом деле не хозяин поезда, так что учтите: я постоянно буду среди людей, и у нас будет очень мало возможностей для беседы.

Машина снова трогается с места, и следующие пятнадцать минут мы едем в полном молчании. Мы въезжаем на усеянную листьями площадь. Хиляль показывает, где остановиться, выскакивает из машины и прощается с моим другом. Я провожаю Хиляль до подъезда, в котором живут ее друзья.

У дверей она порывисто целует меня в губы.

– Ваш друг все не так понял, но если бы я слишком сильно обрадовалась, он мог потребовать свои деньги назад, – улыбается Хиляль. – Мне не так больно, как ему. На самом деле я сейчас счастлива как никогда, потому что мне хватило терпения следовать знакам, и теперь я верю, что все изменится.

Произнеся эти слова, она разворачивается и уходит.

И только тогда, идя обратно к машине, рядом с которой стоит с сигаретой мой друг и улыбается, потому что видел тот быстрый поцелуй; только тогда, слушая шум ветра меж деревьев, возвращаемых к жизни энергией Весны, я сознаю, что нахожусь в городе, который я не знаю, но который люблю; только тогда, роюсь в карманах в поисках сигарет, понимаю, что завтра начнется путешествие, о котором я так давно мечтал; только тогда...

...в моей памяти всплывают слова ясновидящего. Он что-то говорил о Турции, но я никак не

Транссибирская магистраль – одна из самых длинных из всех существующих в мире железных дорог. Она берет начало на любом из европейских вокзалов и проходит по России на протяжении девяти тысяч двухсот восьмидесяти восьми километров, соединяя сотни больших и малых городов, пересекая семьдесят шесть процентов территории страны и семь часовых поясов. Когда я сажусь в поезд в одиннадцать вечера в Москве, во Владивостоке, конечной точке нашего пути, уже встает заря следующего дня.

Еще в конце девятнадцатого века мало кто отваживался на путешествие по Сибири, ведь там, в населенном месте – городе Оймяконе, – была зафиксирована самая низкая температура на земле: -72° С. Реки, основные транспортные артерии, связывающие этот край с остальным миром, восемь месяцев в году покрыты льдом. Азиатская часть Российской империи была почти изолирована от европейской, хотя именно в ней сосредоточена большая часть природных богатств страны. Ради стратегических и политических целей царь Александр II решил проложить здесь железную дорогу, расходы на строительство которой превысили военный бюджет России за всю Первую мировую войну.

Во время Гражданской войны, которая последовала сразу за социалистической революцией 1917 года, вокруг железной дороги разыгрались ожесточенные сражения. Верные отрекшемуся императору войска, в частности Чехословацкий легион, использовал бронепоезда, чтобы относительно легко отражать атаки Красной армии и отрезать неприятеля от поставок боеприпасов и провизии, приходявших с востока. Тогда ход войны переломили партизаны, взрывавшие мосты и пускавшие под откос поезда. Белогвардейцы отступали через всю Сибирь, и многие перебрались в Аляску и Канаду, откуда потом разъехались по всему миру.

В кассе одного из московских вокзалов билет из Европы к Тихому океану в четырехместном купе стоит от тридцати до шестидесяти евро.

* * *

Первым снимком, сделанным мной в путешествии, стала панель расписания, возвещавшая о том, что время отправления поезда 23.15. Сердце учащенно билось, прямо как в детстве, когда я катал игрушечный паровозик по игрушечным рельсам, мечтая о дальних странах, вроде той, в которой оказался сейчас.

С моей последней встречи с Ж. прошло более трех месяцев, и мне кажется, будто она состоялась в прошлой жизни. Что за дурацкие вопросы я задавал! В чем смысл жизни? Почему я не двигаюсь вперед? Отчего духовный мир сделался для меня едва различимым? Ответ очевиден: тогда я попросту не жил по-настоящему.

Вот бы снова стать ребенком, чувствовать, как бешено колотится сердце, и сияющими глазами следить за толчеей на перроне, втягивать носом запах машинного масла и еды, считать

вагоны, жадно вслушиваться в скрип тормозов, когда поезд подают к платформе, ловить обрывки чьих-то разговоров.

Жить – значит осознанно проживать каждое мгновение, а не днями напролет размышлять о смысле жизни. Конечно, для этого не обязательно пересекать Азию или совершать паломничество в Сантьяго. Я знал одного австрийского аббата, который почти не покидал своего монастыря в Мельке, но жизнь понимал куда лучше, чем все путешественники, каких мне доводилось встречать. Один мой знакомый достигал невероятных духовных высот, просто глядя на своих спящих детей. Когда моя жена приступает к работе над новой картиной, она впадает в транс и говорит со своим ангелом-хранителем.

Однако я родился странником. Даже когда мне этого совсем не хочется или когда меня обуревают тоска по дому, мне достаточно сделать лишь первый шаг, чтобы меня охватило воодушевление путешественника. Разыскивая платформу номер пять на Ярославском вокзале, я понимаю, что никогда не достигну своей цели, если буду сидеть на одном месте. Я могу говорить со своей душой лишь тогда, когда мы с ней пребываем в пустыне, или в горах, или в чужом городе, или в дороге.

Мой вагон последний, его будут отцеплять и прицеплять к другим составам на протяжении всего пути. Локомотива с моего конца платформы не видно, поезд кажется гигантской стальной змеей. Пассажиры – монголы, татары, русские, китайцы – стоят или сидят на своих огромных чемоданах и, как и я, терпеливо ждут, когда нам откроют двери. Время от времени кто-то из них подходит ко мне и пытается заговорить, но я уклоняюсь от беседы. Я не хочу ни о чем думать, кроме того, что сейчас нахожусь здесь, и чувствую себя готовым не просто к отъезду, но к новому вызову судьбы.

* * *

Мгновения детского восторга длились не более пяти минут, но я успел впитать каждую деталь, каждый звук, каждый запах. Я не смогу их вспомнить, но это и не важно: время – не магнитофонная запись, которую можно перематывать туда-сюда.

« Не думай о том, что будешь рассказывать, когда вернешься. Время – это здесь и сейчас. Лови момент».

Я подхожу к моим попутчикам и вижу, что они пребывают в таком же возбуждении. Меня знакомят с нашим переводчиком, китайцем по имени Яо, родители которого бежали из Китая в Бразилию от ужасов гражданской войны. Яо учился в Японии, преподавал лингвистику в Московском университете, пока не вышел на пенсию. На вид ему лет семьдесят, он высок ростом и единственный из всей нашей компании в костюме и при галстуке.

– Мое имя означает «очень далекий», – говорит он, тепло улыбаясь.

– А мое – «камешек», – улыбаюсь я в ответ. По правде говоря, улыбка не сходит с моих губ со вчерашнего вечера, а ночью я никак не мог уснуть, думая о грядущем приключении. Такого хорошего настроения у меня не было уже давно.

Вездесущая Хиляль стоит возле нашего вагона, хотя, по моим расчетам, вагон, в котором она будет ехать, довольно далеко от нашего. Ее появление несколько меня не удивляет. Я посылаю девушке воздушный поцелуй, и она улыбается в ответ. В пути, я уверен, нам обоим будет интересно побеседовать.

Я спокойно смотрю по сторонам, стараясь не упустить ни одной детали, как путешественник, готовый отплыть на корабле к неведомым морям. Переводчик не решается потревожить меня, но я чувствую: что-то не так, мои издатели явно чем-то обеспокоены.

Я спрашиваю у переводчика, в чем дело, и тот объясняет, что мой российский агент до сих пор не пришла. Я смутно припоминаю вчерашний разговор с другом. А впрочем, какая разница. Ну, не пришла и не пришла, ее дело.

Хиляль о чем-то спрашивает моего редактора, и получив резкий ответ, остается такой же невозмутимой, какой была, когда я заявил ей, что не смогу назначить ей встречу. Мне все больше нравится сам факт ее присутствия: мне импонируют ее решимость и самообладание. Между тем женщины начинают ожесточенно спорить.

Я вновь спрашиваю у переводчика, что происходит, и тот объясняет, что моя редактор предложила Хиляль убраться в свой вагон. Напрасный труд, думаю я про себя: эта девчонка делает только то, что считает нужным. Я развлекаюсь тем, что, не понимая ни слова, читаю язык жестов и поз. Выбрав момент, подхожу к ним, все еще улыбаясь.

– Полно, не стоит начинать путешествие на негативе. Мы все рады и взволнованы перед поездкой, какую никто из нас прежде не совершал.

– Но она хочет...

– Да будет вам. Пусть остается, она может уйти к себе немного позже.

Редакторша отступает.

Двери с шумом открываются, породив эхо на платформе, и пассажиры занимают свои места. Кто все эти люди, устремившиеся к дверям? Что знаменует это путешествие для каждого из них? Воссоединение с возлюбленной, родственник визит, мечту о богатстве, триумф или поражение, открытие, приключение, бегство или погоню? Наш поезд заполняется всеми этими возможностями.

Хиляль подхватывает свой багаж – яркую сумку и футляр со скрипкой – и собирается войти вместе с нами в вагон. Редакторша улыбается, как будто довольная тем, как закончилась их перепалка, но я понимаю, что она воспользуется первой же возможностью отомстить. Едва ли есть необходимость объяснять, что месть делает нас равными нашим врагам, прощение же демонстрирует наши мудрость и ум. Кроме тибетских монахов и отшельников в пустыне, думаю, каждому из нас знакома жажда мщения, ибо эта черта присуща любому человеку. И мы не должны себя за это слишком рьяно осуждать.

Конец ознакомительного отрывка книги

[Скачать полный вариант книги](#)